

18+

Михаил Есин

ЗАБЫТЫЕ

И другие истории

Михаил Есин

ЗАБЫТЫЕ. И другие истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56342329

ISBN 9785005105493

Аннотация

То, что я пишу, относится к моему творчеству и игре собственных фантазий. Истории вымышлены и не носят реальный характер. Благодарю тех, кто поддерживал меня, в особенности близких друзей и родственников. Добро пожаловать в мой извращённый мир.

Содержание

Слово за мной	5
ЗАБЫТЫЕ	6
Начало	7
День первый	13
День второй	22
День третий	37
День четвертый	45
Конец ознакомительного фрагмента.	60

ЗАБЫТЫЕ И другие истории

Михаил Есин

© Михаил Есин, 2020

ISBN 978-5-0051-0549-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово за мной

То, что я пишу, относится к моему творчеству и игре собственных фантазий.

Истории вымышлены и не носят реальный характер.

Благодарю тех, кто поддерживал меня, в особенности близких друзей и родственников.

Добро пожаловать в мой извращённый мир.

ЗАБЫТЫЕ

«Самой старой и сильной среди эмоций рода человеческого является страх, а древнейшей и сильнейшей разновидностью страха является страх перед неизвестным».

Г. Ф. Лавкрафт.

Начало

Чего мы боимся больше всего? Кромешной тьмы среди одинокой комнаты в ночи, ловких и мелких насекомых или тихого одиночества в потоке существования? Всякому присущ свой страх, рождаемый от пережитого стресса. Кто-либо боится опоздать на работу, избегает одиночества, либо пуглив до основания во время разговора с собеседниками. Страхов так же много, как и мало средств по их устранению.

Но существуют ли они – способы борьбы с этим приросшим проклятием? Ответ в каждом из нас, но я так и не нашёл его, ибо слаб телесно и духовно. Было бы время на это, хотя и этим ресурсом я так и не научился распоряжаться.

Я самый обычный человек, погруженный в свою работу. Типичный представитель офисной структуры, днями и ночами торчащий в уголке капиталооборота и документов. Работаю сутки напролет с количеством выходных, равном почти нулю. То и дело вообще забываю, что они у меня есть.

Мой руководитель – весьма недоброжелательный мужчина, халатен к работникам, и ему до лампочки, как я работаю в последнее время. Старания мои ни к чему особо не приводят. Работаю, как только могу. И испытательный срок завершен успешно, результаты которого были достаточно хорошими, что должно было оказать доверие по отношению к моему труду и включить уже меня в штат компании.

Вот только руководитель воспринял мой маленький успех холодно, понимая что над ним нависла еще одна ответственность к подчиненному. С первого дня ко мне был обращен недоверчивый и пристальный взгляд этого менеджера во время собеседования. Горсть его ненужных вопросов, содержащих в себе банальный сценарий об образовании, хобби и семейном положении сбивала меня с колеи, да вот я смог всё же примоститься на рабочее место.

После нескольких дней работы я понял, что тот был «серый кардинал», редко появляющийся в коллективе. Он вел контакт с сотрудниками через рупор для озвучивания каких-либо объявлений, имея тихий и могильный голос. Чаще всего, кардинал держался в тени своего кабинета, и если уж возникала необходимость обсудить вопрос рабочего аспекта, да того же взыскания, то вызывал невезучего туда. Предоставьте себе метро, и как невнятно машинист, ввиду своей усталости и халатности к работе, объявляет остановку или сохранить спокойствие при долгой стоянке в туннеле. Так и схожий голос из рупора невнятно образом доходил до площади офисного помещения. И только более опытные сотрудники понимали, что говорил руководитель.

Труд начал меня медленно-медленно тянуть в бездну – офисный планктон развивался в моем сознании! Часы гасли, дни убегали, месяцы испарялись, а досуг занимал последнее место. Вдобавок, я не имел особо продуктивных увлечений, лишь обыденные занятия, такие как отдых и питание. Быва-

ли, конечно, исключения – я мог потеряться в социальных сетях и интернет-мусоре в домашней обстановке. Не смею спорить – это самое настоящее убийство времени!

Совсем недавно я узнал непредвиденное, что на некоторое мгновение отвлекло меня от рабочей обстановки. Пришло смс-сообщение от двоюродной сестры: родители, которых я итак толком не навещал в последние месяцы, покинули этот мир. Хуже того, я игнорировал их звонки в последнее время, ссылаясь на занятость, не интересуясь ни здоровьем, ни их семейным раскладом! Я упустил эти жизненные моменты из-за загруженности в офисе. Но правда позже открылась для меня: из-за собственного эгоизма и моральной слабости!

Уверенность уходила от меня... Я не мог дальше находиться в помещении своего отдела. Раздражали сотрудники, голос от мегафона начальства практически без паузы объявлял новости, суэта и беготня людей с документацией и битье по клавиатуре компьютеров и ноутбуков – ежедневная, осточертевшая меня бессмыслица! Я устал и очень хотел получить отпуск, хотя бы за свой счёт, дабы успеть попрощаться с родными, пока есть возможность.

Я боялся сказать правду своему руководителю, неубедительно наврав ему, что мне необходим отдых по состоянию ухудшенного здоровья. Но беспощадный вождь был доволен тем, что я осмелился к нему зайти. Это редкость для него – видеть живых сотрудников. С легкой ухмылкой он сказал,

что увольняет меня, и не по причине подозрений во лжи, моих фиктивных споров, а лишь указав на подбор нового и более активного сотрудника.

После этих слов почти любой, кто слышит такое заключение от начальства, впадает в ступор, затем в невообразимый шок. Так как человек старался, прикладывал максимум усилий в рабочем процессе – жил на работе, взамен получая на блюдце незаслуженное увольнение! Во мне лично не возникало желания оспаривать его решение, потому что мое утомление от всего требовало набраться сил, иссякших давно. Как механизированный человек, я плелся в будние дни до работы и обратно, соблюдая режим закрепленного и однотипного дня, без каких-либо помех или замен дел. Теперь же я был свободен в какой-то мере.

Дом встретил меня в апатичном опустении. Снимать с себя одежду и обувь я не собирался, и просто рухнул на диван, смотря какое-то время в потолок, который не удивлял меня своим безобразием. Без чувств, как после курса лоботомии, я постепенно погружался в сон. Веки тяжелели, дыхание расслабилось – переутомление дало о себе знать...

Зачастую, что человека тревожит, то и всплывает в его снах. Беспорядок в сознании и ощущение пустоты сказались и на моём сне. Я оказался посреди тумана, обитателями которого были темные силуэты непонятных фигур: одни двигались медленно, другие порхали в лохмотьях над землей;

третьи ползли на спине, извиваясь не то от боли, не то от дискомфорта. Они напоминали черный сгусток массы, схожий с обгоревшим плащом.

Что больше пугало меня, помимо мрачных теней, так это странное жужжание, переплетавшееся в ужасный хор, создавая иллюзию, будто ты попал в незримый и жуткий улей.

Непредсказуемое движение мистических духов прекратилось. Они неожиданно перевели безликий взгляд в мою сторону и накнулись на меня, как стая волков, поймавшая жертву...

Давно не снились такие плохие сны. У меня оставалось чувство недосыпа, но после этого сна крепко закрепились в голове неприятные мысли. Я больше не желал засыпать. Осадок сна оставался: тихое жужжание в ушах, вялый шопот и блеклые тени виделись какое-то время, выделяясь на фоне бледных стен моей комнаты.

Больше всего я хотел принять горячую ванну – смыть весь мрак этого сна; сделать хороший завтрак, чтобы заесть свои горькие раздумья и предпринять уже какие-нибудь действия.

Сон, конечно, и выбил часть воспоминаний из моей головы, но тут я припомнил, что моих родителей нет, и их нужно навестить для прощания, и затем возложить цветы – ради уважения и почести к ним. Мысли нашептывали и напоминали мне об этом.

Приведя себя в порядок, я так и решил поступить. До род-

ных мест, где жили родители, ехать не мало: порядка шести-семи часов. Поездка обещала быть долгой и утомительной. Из транспортного арсенала у меня имелся автомобиль, как раз таки идеально подходящий для длинного пути из города в провинцию. Собрав все необходимое для поездки, я устремился в путь. Оттенки того сна все никак не выходили из моего сознания. Сложно забыть такое, особенно, когда я посмотрел на стекло заднего вида, и мне показалось темное пятно из сновидения...

День первый

Летний вечер. Алеющий закат красовался далеко от дороги, покрытой густыми полянками. В них ютились бледно-белые березы и прочая жившая природная среда, редко беспокоенная людьми. Кусты ягод, грибные массивы, крапивы и кустарники встречали не часто здесь гостей.

За полянками – луг, покрытый зеленой травой и малость одуванчиками, лепестки которых, превратившись в пушистые зонтики, порхали в воздухе, как свободные птицы.

Пейзажи показывались мне бесконечной пленкой киноленты, наигрываемой в моей голове, что придавало сил. На некоторое время я подзабыл о своих недавних бедах, принудивших уехать меня далеко от столицы. Ленточные обрывки природы под резвой скоростью моей машины уходили прочь.

Я всегда всей душой любил природу – красота земной фауны расслабляет и помогает следить за дорогой. Автомобиль проезжал мимо мотелей. Автобусные остановки были моими временными и удаляющимися попутчиками. Гиганты-мосты помогали переехать на другую сторону реки. Широкие равнины оставляли приятные чувства наслаждения. Увы, все плавно уходило назад и отдалялось на многие версты от меня.

Вскоре показались дома, расположенные в два ряда

не слишком далеко от обочины. Они находились с левой стороны от машины: маленькие избы, наполненные уютом и благодатью быта, красующие полное олицетворение дальней провинции.

Кроме домов были заметны и хозяйственные сараи, уютные палисадники с красивыми гербариями. Я даже немного сбавил ход, чтобы тщательнее рассматривать здешние края. Жизнь в этой местности, казалось мне, шла полным ходом, только вот людей что-то я не видел. Понятное дело, вечер, и они скорее всего отдыхают, уютно устроившись дома. Но все-таки где же они?

Подъезжая ближе к маленькому населенному пункту, дорога начала портиться – практически на каждом метре лежали небольшие камни, попадались и колдобины, усложняя управление. Движение машины становилось медленным, но аккуратным. В голове крутилась мысль, что не повредить бы ее только.

Но чуть позже возникло обстоятельство без стоящих результатов. Наступила черед неполадок. Возникла первая и крупная беда, тратящая мое время и уверенность.

Стрелка датчика топлива вращалась туда-сюда; цифры пробега ежесекундно спадали; помехи в радио резали слух, а тахометр выжимал максимум, как взбунтовавшийся часовой механизм! Поворотники почему-то заработали, так же как и дворники! С чего бы машине пришлось так себя вести? Или же я нахожусь среди минного поля, хранилища бомб,

гораздого вызвать любой скачок неполадок в технике?

Я посмотрел вперед, и мимо лобового стекла пролетел, да, знакомый призрак из моего сновидения! Давно ли я успел обрести галлюцинации или это сказалось на нервной почве? Я все ещё сплю или начинаю терять связь с реальностью?

Мрачная сущность задела лобовое стекло, сопровождая этим скрежет, коим схоже черчение мела на доске. Стекло чуть не разбилось на кусочки, но трещины, как швы от рвущейся одежды, растекались по нему!

С такого страха я терял управление, и машину начало легко нести зигзагом, прибавляя плавно скорость без моего же участия! Я продолжал держать веру в равновесие машины, поэтому сквозь паническую слепоту и растерянность я старался вернуть баланс.

Руль не понимал касаний. Им двигали другие мотивы, и он сам руководил движением. Неужели меня ждёт гибель от неизвестной мне встречи с мраком из сна? Может я не выспался или окончательно пал восприятием к жизни?

Я остановил машину, ибо руль и педали подарили всё-таки мне возможность управлять ею вновь. Руки цепко держали руль, глаза таращились в треснутое от призрака лобовое стекло. По вискам шел пот, не прекращая наводить влагу, стекавшей до шеи.

Больше машина не завелась, и, как бы я ни был готов ехать дальше, несколько попыток завести ничего не стоили. Где я вообще очутился? Задаваясь этими вопросами, в салоне

стало темнеть, что вызвало небольшой страх перед наступающим мраком. Я надеялся, что на улице еще светло, ибо часы телефона указывали лишь 18.00, и это слишком рано для сумерек.

Меня окружал большой перекресток: дорога вела прямо, видимо, в жилой район; справа тянулась другая – более длинная, обвитая растянутой полянкой, смежной с полем; напротив стояла щитовая, давно не работавшая; слева – спуск в село, соседствующий с лугом. В углу перекрестка, слабо заметно я увидел знак населенного пункта – «М. Селение». Буквы понемногу потеряны, но читаемы.

В целях собственной диагностики машины, прежде, чем открыть капот, я заметил на нем вмятину, даже чем-то схожую с укрупненными царапинами. Не сложно убедиться и ужаснуться тому, что всему виной был призрак. Как бы мне не хотелось в это верить... Я исключал факт, что мне померещилось, по крайней мере я старался!

Размеры царапин совпадали с увечьями на лобовом стекле, еще и внутри капота добавилась причина поломки – надкусанные и прорезанные провода, нуждающиеся в умелых руках мастера. В растерянности я отошёл от машины, не веря собственным глазам.

Я четко осознавал, что не сплю. Мне видима вся местность, но как, как этот проклятый фантом удосужился явиться откуда ни возьмись и повредить мой транспорт? Куда я вообще попал?

За все это время не проехало ни одной машины! Играла тишина, таящая в себе что-то подозрительное. Я не мог починить в этой неудобной обстановке свой транспорт, потому что и инструментов нет – ящик с ними забыл дома, в кладовке! Какой чёрт заставил меня вытащить его с багажника когда-то?

Вызвать эвакуатор было невозможно – телефон не ловил сигнал сети. Дикое волнение начало взаимодействовать со мной! Пройти дальше знака с наименованием я не мог – что-то невидимое, напоминание скрытой стены, не пускало меня туда! Также справа – к щитовой, и в обратную сторону... Оставалась дорога в село.

В виду суеты, перешедшей в панику, я хотел было сесть обратно в машину, но услышал зов, эхом пробуждавшийся внутри моего разума. Сознание сходило с равновесия. Мне не чуждо было понимать: сам не свой, и мной невидимо кто-то манипулирует, как над кукольной марионеткой. Что-то неведомое, и голос уже ведет меня по вытоптанной тропинке вниз по широкой дороге, что единственный проход в глубь деревни.

Песчаная дорога несколько десятков метров сопровождала до поворота – узенькой дорожки, ведущей в глубь леса. Незримый проводник словно держал меня и за плечи, собственно чувствуя их сжатость и плотность, и за голову, которую я не мог повернуть, смотря прямо, совершенно не зная, куда я направляюсь.

Миновал поле, я очутился в небольшом леске. В нем находились заброшенные, тусклые избы, лишенные памяти и радости. Впереди заострил внимание старый, проржавевший комбайн, и до чего древняя конструкция со своими большими лезвиями-мясорубками!

Странно то, что не слышно и никого не видно; те же собаки не издавали лай, коровы не мычали в знак жизни деревенской. Никаких разговоров и бурных обсуждений. Помнится, далеко в детстве, я только и наблюдал все эти сцены иногородней жизни. Но пока я постепенно уходил от этого места, ни движения, ни души не объявилось... Здесь никого нет, и помощи, вероятно, не найти. Вымершее какое-то место.

Покинув это пристанище, я обнаружил еще небольшую площадь хором, менее оживленных. Выглядели они так, будто случился пожар, и огненная мощь лишила их красоты вместе с уютом! Люди бежали в панике, толкая друг друга, не жалея сил, только бы выбраться из пламени – так разыгрывалась моя фантазия! Кто-то погиб, а кто-то получил серьезные увечья. Крики гибели оживили деревню. Скорбь умерших вонзалась в мой слух, а шелест листьев от нарастающего ветра гремел, будто маленькие цепочки.

Гипноз воспроизводил мне эту ужасную картину, но вскоре пропал. Я смог двигать головой и, осмотревшись, обнаружил, что все же один дом выделялся из этой сгоревшей толпы зданий.

Кто знал, что это лживая обертка?

Дом №454, приятной наружности, вселял для меня луч надежды. Его не коснулись те тревожные бедствия, и тот защищен щитом от опасностей. Выглядел дом снаружи хорошо; дефектов не находилось, если только не заняться доскональным осмотром. Маленький огород посажен во дворе, был сарай для скота. Дуб-великан красовался рядом с домом. Милая дворняжка тявкнула на меня, неуверенно высывая свою миниатюрную мордочку, и я был уверен, что кто-то выйдет мне навстречу. Да так никто не и показался.

Не дождавшись хозяина, я зашел. Темновато, и ни души; повсюду пыль, и паутина кругом. Жутковато и одиноко. В детской спальне, что левее от входа, валялись игрушки со стульями. Немного шагов от неё – тихая гостиная, когда-то главная и ведущая комната для друзей и родственников. Потрепанный диван пускал в воздух немного пыли, словно ветер тихо крался по гостиной, вызывая движение в ней даже мельчайших частиц. Телевизор показывал серые полосы, тихо шепча свои помехи.

Напротив гостиной еще одна комната – раскиданы книги, засаленная одежда и куча поломанных карандашей. Где же все? Меня решили одурить или снова наступит нежеланный сеанс гипноза? Если бы эти нормальные мысли доходили до меня, но в сознании случился скачок, тормозивший меня и погружавший в бездну неуверенности.

На кухне разбилась тарелка. Кто же ты? Некто метался там, и слышалось, как убирались осколки. Руки спешили на-

вести порядок, ноги волочились по кухне, будто это искало веник.

Никого не оказалось. Стулья раскиданы по кухне, стол грязный и в небольшом мху. Полно грязной и вонючей посуды в раковине, треснутые стекла на окне и шкафчиках для посуды. Этот беспорядок начинал меня вводить в трезвое состояние, и тут же пришло понимание настоящей мрачности внутри дома.

Войдя за порог этого дома, я не почувствовал, как переменялся, как утратил силы, и как апатия закупорила меня. Обследуя все уголки, часть чего-то темного, держа меня в ступоре, сопровождала в исследовании дома. До тех пор, пока я не оказался на этой кухне и не освободился на некоторое время, ощущая до этого вторую фазу гипноза.

Я вдруг отвлекся, увидев красивый закат, вспомнив о том, как просиживал брюки в офисе, не замечая окружающего мира. Я пустовал в одиночестве и терялся среди рабочих обязанностей. Тем временем, видеть, как сейчас розовеет небо – значит пребывать зрителем на успокаивающем сеансе. Солнце выбило из головы плохое, и до чего оно мелодично садилось! В себе же я ощущал легкое движение мыслей, что все не так уж и плохо. В миг забылись мрачные стены.

Свет не так обнадёживает, как может показаться.

Вскоре жажда начала резать мне горло, но не всему суждено случится гладко... Я оказался неправ в своих убеждениях при наблюдении заката!

Приоткрыв дверцу с настенного шкафчика, оттуда вылетел и каркнул черный, пернатый ворон. Он с такой свирепой отдачей покинул шкаф, что я упал на пол! Птица приземлилась на подоконник, уставившись на меня своими неодобрительными глазами. Взгляд внимательного ворона, изучавшего будущую падаль, от которого я, потерянный и мучимый от сухости во рту, стал терять сознание. Я еще в жизни не видел такого взгляда от птицы. Птицы, смотрящей уже на меня через окно...

День второй

Всегда ли человек может проснуться в теплой кровати после напряжённого, прошедшего дня? В какой реальности он обитает: мира горьких фантазий во снах или перегруза сознания, дающего сбой в настоящем?

Почему мои руки мокрые, думал я, когда проснулся на холодном полу, и влага такая густая, как подсолнечное масло. Избили ли меня? Я изнемогал от боли, и все кружилось вокруг. Я испытывал нагрузку, сравнимую с режимом тренировок спортсмена, и ощутил это болевое послевкусие.

В глазах плыло: ничего не видно; щипало так, как от средства для устранения конъюнктивита либо же от долгого ношения линз! Немного погодя, я заметил, что их нет – испарились в пух и прах. Что-то сняло их во сне – моих верных помощников при видении. Хорошо, что зрение не было таким плохим, чтобы идти при необходимости. Хуже то, что было увидено мной после нормализации видимости...

Оказалось, что я, привстав, находился в луже бледно-красной массы. Тут и стало понятно, почему руки липкие! Тошнило при увиденном так, что казалось, будто из живота что-то пытается выбраться; голова страдала в приступе боли, словно зажата тисками.

Приглядевшись еще внимательнее, я увидел движущийся ковер... Стоило напрячь лучше зрение, как я понял, что по-

до мной ползает на месте кучка хлюпистых червей! Я тут же отпрыгнул назад, отряхнувшись от этих скользких скребней, прыгая и дергаясь на месте, в состоянии паранойи и тупости думая, что они мешкают по мне! Лишь несколько повторных отмашистых движений и ощупываний себя дало уверенность в отсутствии червяков.

Одной скользкой лужи было мало, более того, текшая с люстры кровь нагнетала мое местонахождение в этой мрачной гостиной! Я чувствовал в себе надвигающуюся тревогу, туманящую мой интеллект! Куда не оглянись – грязь, пыль, обстановка мертвого характера – странного вида потолок в трещинах, то ли в плывущих венозных артериях... Стены ободраны.

Посреди комнаты я заметил небольшой шкаф с выдвижными полками. Насколько идеально расставлены на нем вещи, и это, видимо, единственный предмет декора до блеска чистый! Справа – большое треснутое окно, переплетенное паучьими нитями, а карниз со шторами лежал на полу. На стене крепилась фотография со сломанной рамкой. Чей-то портрет – потертый и некорректно изображавший лицо человека. Куда меня занесло, и в этом ли доме я нахожусь? Выход все же был: левее от шкафа был дверной проход – порог, но со своей жуткой изюминкой.

Я услышал оттуда медленный-медленный скрип, пробирающийся до мурашек, и передумал двигаться. Он становился все громче и громче, он издевался надо мной... На пару

со скрипом там же воспроизвелся непонятный говор – больше бессмысленный набор слов нездорового человека! Невидимый для меня человек бормотал за порогом долгие для меня минуты и затих. Мне стало страшно, ведь я не понял, кто стоит передо мной – живое или неживое существо?

Вдобавок, сверху кто-то начал быстро шагать. Это напоминало топот копыт. Что наверху: животное или то, что слагают байки про парнокопытных демонов? Неизвестное оставляло еще более худшие представления о приятности жизни. Страшно вообразить себе, кто обитает наверху!

Я понимал, что оказался совсем в ином мире, где навряд ли смогу найти людей. Ясно одно, что слушать пугающий топот сверху долго я не мог. Как не хотел бы, да боялся я сделать решительные шаги к побегу. Но что поделаться? В тесной обстановке долго не протянешь и следовало пересилить свои опасения.

Судя по тишине у порога, он исчез...

Пересилив себя, но с остатком пугливости и сбитого дыхания за счет быстрого сердечного ритма, я понял, что гостиная мне не надежная крепость, и выбрался наружу, зажмурив глаза и съежившись, переходя порог.

Всё изменилось: деревья подобны человеческим скелетам, без кожи и плоти. Нет листьев на них, тех украшений, что озаряют природу. Та же участь и у дуба; тусклое небо, не внушающее радости, мертвая и пустая собачья будка. Трава выглядела сгоревшей, а дома с начала моего шествия оста-

вили тот же неживой вид, да более жуткий и заброшенный.

Тишина. Вороны позже осмелились ее нарушить, и такое чувство, будто я проспал до осени! Тут же понимал, что не имею представления, как вернуться к машине, видя такой немыслимый и жуткий коллаж! Совершенно понятно, что я наяву; я здесь, но веет мраком и ни в коем случае я не могу здесь оставаться!

Идти все равно куда-либо придется, размышлял я, и на обратной дороге наткнулся на комбайн. За то время, пока я был в неведении, он видоизменился: жертва коррозии была наполовину закопана неизвестно кем-то или чем-то, кабина водителя заросла мхом, но меня зацепил не его измененный вид, а что-то выпуклое внутри лезвий. Господи, осознавая, что это труп, каким-то образом оказавшийся там, я потерял понимание к собственному телу!

Покалеченный бедняга, жутко пахнувший в компании мух, сжимал в судорогах что-то в руке. Сердце мое забило в скоростном потоке, когда рука зашевелилась быстрее и в конечном счёте расслабила свои мышцы. Выпал сверток бумаги. Понятное дело, я не хотел касаться этой горе-вещицы, но природа чертовой местности сама все решила за меня! Ключок развернулся, и я прочитал крупную и непонятную по смыслу мне запись: «Нам здесь не место». Что он хотел мне сказать этим?

Вопросы исчезли прочь, как после прочтения, страдающий и отчаянный вопль неподвижного трупа чуть было

не лишил меня слуха! В голове засвистело, и как давил свист на затылок – она сильно проявляла себя, что опустила меня на колени. Сжимала и виски, страдающие от боли.

Звук не умолкал несколько секунд; руки в порыве стресса затекали и уставали держать мои несчастные уши! Наконец-то это закончилось, и я в спешке, семеня по грязи, выбрался из этой жуткой колеи! Знаю я, что не смогу добраться до машины – толку нет в этом, и она сломана. Кошмарная обитель не дала найти хотя бы какие-то полезные инструменты!

Все только начинается и только несчастное. Приметы и здесь дают о себе знать, насколько я понял позже. Они преследуют нас, как бы мы этого не хотели. Когда я вернулся на песчаную дорогу, ведущую к подъему на перекресток, пробегающая черная кошка наткнулась на моем пути... При вроде как человеческой жизни в такие небылицы бы я не верил, а сейчас готов был поверить в любой недобрый знак! Кошка линяла на ходу шерстью – да шерсть больше сходилась на пепел, порхающий, как пылинки, в воздухе этого тернистого места. Она перебежала дорогу, оставив следы от падающих волосинок, и уходила в луг, к длинной полянке, подаль от меня...

Эхо требовало следовать за ней, оставив мне чувство страха и слабости, а ноги спешили исполнить указ идти...

Среди луга я увидел кол, вбитый в землю, при этом сомнения нарастали барабанной дробью, что это был указатель.

Кошка копошилась по растительности, и мне виделось, как высокие стволы растений дергались с каждым отдаленным ее шагом. Но крадясь мимо лже-указателя кошка прекратила движение...

Ближе, я в мгновение ужаснулся и не мог оторвать взгляда. Поверх кола – голова свиньи; по ней ползали мелкие, противные опарыши, болтающиеся по всему основанию свиной морды. Глас тьмы принуждал меня смотреть на этот тотем дольше, чем я этого хотел. Ни взгляда в сторону – темные силы не позволяли игнорировать этот страшный экспонат. В ответ моего наблюдения темноглазая макушка хрюкнула и подмигнула мне!

В миг ноги пошли сами, и я на минуты освободился, за что теперь я вынужден был преодолеть поле, идя по узенькой тропинке с зарослями, кишашей жуками! Настороженность и запутанность сознания – моя реакция на недолгую свободу от тьмы...

Возникла новая игра от духов этой тайной деревни. Или же это было вмешательство светлых сил. Я не мог толком противостоять командам внутреннего чужого голоса, ставшего на этот раз не эхом, а мягким и детским голосом, успокаивающем меня тихими словами, без каких-либо угроз...

Я шел недолго, но неприятно то ощущение, когда букашки пытались проползти под штанину джинс! Я ускорился, дабы быстрее попрощаться с вредителями, настойчивыми

к моим ногам! Под действием опаски я смотрел то вниз, то влево и вправо, вертя головой, болтая ногами, работая легкими для поступления кислорода, да вот воздух стал жгучим, словно от гари, и тяжело дышалось!

В полянке было более менее спокойнее. Я сел на пенёк и стал раздумывать. Что тут вообще происходит? Что за деревня такая, которая встречает путника, как незваного гостя? Меня вскоре осенило, да не от этих раздумий.

Раздался вой – и похожий на волчий, и похожий на рев крупного зверя, но сбивший меня с решений – я не мог понять, откуда он исходил! Куда ни взглянуть – везде кусты, березы, а этого зверя не найти! Я боялся, боялся, внушая себе, что некуда бежать и спрятаться, покуда тот хищник – сам притаившийся убийца! Я замер, как в морозильной камере, ожидая прихода волка, думая, что он выпрыгнет из кустов...

Я не мог разобраться в себе... Я был растерян и напуган. Опустив болящую свою голову, в неожиданное мгновение появившийся зверь набросился на меня, скинув на землю и пытаясь перегрызть глотку! Мне повезло, что я успел прикрыть ее правой рукой, но не хватало смелости и решительности отбиваться левой! Сам того не ожидая, я все же нашел под ней палку: она послужила отличным защитой и нападением. Второе везение было на мне – верх одежды – кожаная куртка, чувствовавшая сжатие, но не укусы!

Передо глазами мелькал яростный взгляд животного – адски красные глаза, блестящие от голода и бешенства, –

две красные и жестокие маленькие планеты пронзали мой взгляд!

Я смог победить зверя на некоторое время – под выбросом адреналина я путался: ударить по морде волка или лучше поймать хватку его убийственных челюстей, дав возможность вцепиться в палку? Первый вариант удался, и с горем пополам я махнул палкой, ослабив зверя ненадолго...

Откуда столько сил? Времени было в обрез на побег, и не теряясь, я побежал, равно как профессиональный бегун, к подъему на проезжую часть – к микрорайону. Чуть было не поскользнувшись на бугорке, я пересек дорогу.

Победа стоила нескольких затрат моих нервных клеток – я хотел было перебежать на противоположную сторону, но мимо меня пронесся откуда-то взявшись грузовик на полном ходу! Все что я успел углядеть, так это его уходящая прозрачность: проносясь в даль, он исчез, а мое сердце продолжало тревожиться. Билось и билось в беззаботном ритме страха.

Хищнику недолго оставалось жить. Он не мог преодолеть дорогу – для него это была некая преграда. К тому же, невидимый спаситель, а, может, тоже охотник за мной, схватил его за задние лапы и потянул вниз.

Лесная шавка испытывала настоящие муки: завывала, стонала от боли, как завывают бродячие собаки от бесчеловечности живодеров. Смерть накрыла волка пеленой мучений, когда хруст костей услышал я у дороги, и всплеск крови

на обочину вырвался крупным фонтаном!

Меня вырвало... Чувства ненадолго задушены жестким канатом, но вспомнились таблетки во внутреннем кармане куртки, и они скоро утихомирили мои нервы. Голова слегка пошла кругом, узоры деревьев расплывались, а дорога дергалась кривыми линиями... Эффект прошел. Ко мне вернулось сознание.

Лучше и не оказалось на другой стороне дороги. Кривая, спусковая тропа тянулась до домов, напротив – огромное дерево с повисшими куклами. У разных пупсов не хватало и рук, и ног, но где-то висели целые малютки. Кладбище детских радостей. Убогое место наполняло мою психику слоем тревоги! Куклы очень уж походили на живых грудничков...

Жилой квартал состоял из четырех трехэтажных домов. Каждый располагался друг за другом, последний стоял близко ко мне. Рядом был магазин с открытой настежь дверью – внутренние команды велели идти мне туда...

Пусто, и крошечная темнота. Дверь резко захлопнулась, и я остался наедине с темнотой... Кто-то зашел, покашливая, в магазин – меня нашли, могут убить или похитить, карая пытками! По телу пробежала дрожь; главное, не сказать ни слова, дышать тихо, молчать и не кричать! Я затаил дыхание в ожидании опасности.

Закрыв за собой дверь, кажется, к кассе подошел мужчина лет пятидесяти-шестидесяти и поздоровался с продавщицей. Что? Купил сигарет и прочие продукты. Он меня

не замечает? Слабый свет исходил от него, немного осветив и кассу – все, что я и пронаблюдал. Он покинул магазин, и я не дремля юркнул за ним. На улице его не оказалось – обрывки воспоминаний остались в магазине... Снаружи было все, как прежде...

Бессмыслица какая-то... Я в полном замешательстве закружился на месте, выискивая хоть кого-нибудь, забыв о том, что это призрачное место навряд ли таит в себе что-либо живое.

И я смог найти, но только зря. Маленькую девочку. Да, маленькую. Да, она кокетливо помахала мне ручкой с окна первого этажа ближайшего к магазину дома. Глаза блестели бриллиантами, золотистые локоны волос, закрученные в два хвостика, свисали вниз. От улыбки и детского смеха мне стало поначалу теплее.

А почему все-таки зря? Что может сделать такая малютка, возможно, ожидавшая от меня помощи, и только-только она могла застать всю катастрофу деревни. Очередная путаница в голове колесила и теряла мое понимание.

Меня переключило. Я немного терял равновесие, рассмотрев уже иную девочку. В горле пересохло при таком преобразении; в моторе колело, как от града стрел. Малышка привстала, оголив свои длинные, засохшие ноги. Загнуты они были обратно, подобно сатиру в древнегреческой мифологии! Она уходила не отворачиваясь в комнату, скрывшись в тени дверного проема, не отводя от меня взгляда...

Я снова впал в неконтролируемый транс – духи местности вновь овладели мною... Войдя в подъезд этого дома, мне послышалось, что кто-то устремился наверх, словно заметил меня и хочет скрыться! Подъезд был затемненный с посыпанными стенами, с потолка капала вода; слабая видимость, да двери ободраны. Боязно было мне, но я под жестким контролем! Счетчики электричества отключены, облеплены паутиной; крысы копошились в подвале, где-то мухи жужжали... Не будь во мне власть этих демонов, я бы без колебаний сбежал из этого темного уголка!

Поднимаясь тихо по лестнице, близ меня раздался плач младенца. Надежда обманула меня, как стоило подумать, что есть возможно выжившие противники этого злостного режима! После небольшой паузы, там же и заиграла истерика сошедшей с ума женщины. Следом поступили жалостливые стоны обессилевшего мужчины: «За что мне все это? За что!» В конечном счете, поступил сильный удар по двери изнутри квартиры, отчего я чуть не отпрыгнул к стене!

Я был обязан следовать дальше. Становилось холодно и тускло после услышанных разновидностей страшных звуков. Будь то зима накрыла внутреннее пространство грубым холодком и она не терпит тепло.

На втором этаже показался гроб... Я хотел было упасть в обморок из-за боязни к этим вещам! Эта гротескная конструкция с прогнившим основанием доходила почти до потолка; вокруг неё кипел болотного цвета пар и какое-то ано-

мальное зловоние, а внутри теснилась тихая жизнь – слабое постукивание крышки гроба переходило впоследствии в сильное битье... У меня помутнело в глазах, словно чудилось, что нечто скоро выскочит оттуда!

На последнем этаже меня снова ждало отличие, как и в селе на первый день. И это была дверь, чистая и ухоженная для меня, потерянного гостя. Из-под щели виден был конверт, по-глупому интригующий меня и требовавший ознакомиться с ним. С волнением я вскрыл его, вспоминая и боясь, как бы тот не «закричал»... Надписи не придавали опасности:

«Сына, нас дома нет. Мы у Федоровых в Б. Селении, ключи забрали. Понадобятся – приходи. Целуем и обнимаем». Что? Какой еще «сына»? Точно могу заверить, что это не мои родственники! Я это место первый раз вообще нахожу! Ключи, а вдруг они относятся к дому №454? Мне следовало вернуться в то место, полное мрака и уныния, так как слова внутри шептали возвращаться, к сожалению, обратно.

Спускаясь вниз, лучи солнца проходили сквозь окна подъезда. Родилась мнимая вера в какое-то чудо; родилась и секундная уверенность. Были какие-то слабые проблески надежды, что меня вернёт обратно магическим образом на нормальную дорогу. Машина будет на ходу, и я выберусь из этого проклятого портала!

Обидно, но выйдя из подъезда, все вернулось на круги своя: желтого карлика не стало, пасмурность усилилась, на-

мекая на дождь; добавился легкий туман на дороге для давления на мое настроение, итак уже избитого, что его не вернуть в прежнее состояние.

Я дошел до дома с единственным номером в деревне, сложно себе представляя, что вообще смогу найти ключи. Где-то они должны были быть, и как долго, думалось мне, я буду находится под влиянием голосов, нежданно вторгающихся в мой разум? Что ждет дальше меня – неминуемая гибель за оказанные услуги или дальнейшие моральные пытки за сотрудничество?

Резкие скачки сознания путали меня – их сложно предугадать, но чувствуется разница, когда ты под контролем, то тебе все равно; боишься ты – значит, ты сам с собой, и к тебе временно вернулось понимание происходящего...

Что-то крупное упало и не в одном количестве – по-моему, несколько книг в маленькой комнате. Эти книги заставили меня от неожиданности споткнуться и ударится плечом об встречный шкаф! В тесной комнате это снова со мной играет в страшные прятки! Секундой не более, я успел углядеть, что скрылась сущность, а, возможно, обитатель вне человеческого понимания...

Что я успел отметить своим зрением, и что придало мне трусости? Оно с голым торсом, лохматыми ногами и согнутой парой рогов спрыгнуло с окна, когда я настиг источник шума! Мне оставалось только держаться за стенки порога, увидев это нечто! Дрожав, стоило терпимо выждать момент,

что тварь не вернется обратно и не заберет меня в свои кошмарные владения!

Поначалу я и не заметил лестницы на второй этаж, так как сторонний шум отвлек меня при входе... Касаемо подъёма возникала сложность в преодолении поломанных деревянных ступень – разве командующего волнуют проблемы подчиненного? Я поднимался наверх, несколько раз чуть не провалившись в эти хрупкие деревяшки. Шагать требовалось предельно аккуратно.

Наверху – чердак, сделанный, похоже, под спальню. В нем была заправленная кровать, крупная, в пыли, и рядом книжная полка, вплотную со шкафом с тумбами; лежавший на полу древний советский телевизор и пара тусклых картин на тему живописи с разбитым окном слева мраком свои украшали чердак.

Наступал вечер. Стало смеркаться. Времени искать ключи оставалось все меньше и меньше, и я начал обыск этой комнаты. Осмотр полки не дал результатов – за телевизором тоже ничего не было, у окна так же. Над кроватью слабо горела настенная лампа. Кто бы мог подумать, что снять одеяло не стоило того?

Раскрытие его шокировало меня до бледности кожи: кровь растекалась по простыне, и медленно-медленно, шипя, из под неё выростала засохшая, черная трава... Вдобавок, еще лопнула лампа для придания корочки напряжения! Я задел ногой телевизор, двигаясь назад, и упал, совсем пе-

репуганный, ударившись затылком об среднюю тумбу. Темная фортуна была на моей позиции, и ключи тихим звоном ждали меня на полу.

Стало уже совсем темно, и даже быстрее, чем ожидалось. Света нигде нет, и пока телефон не сел окончательно, я мог воспользоваться собственным освещением. Теперь же надо вернуться в микрорайон, зная, что в любой момент голос скомандует это, и мне никак не отвертеться...

...Но на мое же несчастье, спускаясь по лестнице, волею случая и в злополучный час, хрустнула доска. Запутавшись в ногах я, посреди темени и скованного света от фонаря, не удержал равновесие и лихо упал, погрузившись в безсознание...

День третий

Ночь. Я не знал, сколько сейчас времени – телефон потерялся, хотя это даже неважно. Подозреваю, что на этой территории он не будет стабильно работать. Возможно, выпал с кармана, когда я упал с лестницы; возможно, темные силы украли...

Темно, и это пугало не меньше, чем задерживаться посреди чумных краев. Ничего не видно, и каждый мой шаг – это риск; каждый ход – это осознание пустоты и незнание обстановки... Я крался, как вор, нащупывая уголок стены или стула в надежде, что не будет опасности – чтобы никто из ниоткуда не появился...

Наступила тьма, усиливавшая мои негативные эмоции. Любой шорох веток, легкий поддув ветра снаружи во мгле, любой писк крысы под полом давал моей психике пошатнуться... Ко всему этому, я слышал гул, странное словесное гудение. Некое ехидное хихиканье, судя по всему, пожилых и молодых дам. Кажется, снаружи дома.

Стук копыт с крыши объявился не вовремя, и был слышим мною с первого этажа... Топот сильного существа, способного пробить шифер крыши, громче и громче бил по ней! Слышал я уже такой звук, до боли знакомый...

Меня сопровождали потусторонние шумы той темной, оборотной стороны деревни, но я не хотел быть напару с ни-

ми. Мне приходилось идти как можно тише, дабы не разбудить внимания к себе.

Добравшись до окна, я понял, что лишь слабый свет фонарей освещал улицу. Там я увидел женщин в потрепанных лохмотьях. И главную из них – напоминавшую, к своему ужасу, слишком напоминавшую ведьму из детских сказок. Морщинистое, старое лицо. Вся в бородавках, женщина-горбун с дряблой, прогнившей костью вместо правой ноги. Глаз не было видно – может они и отсутствовали...

Она заметила меня. На нормальную голову я бы не придал этому значения, но в опьяненном страхе в новой обстановке, не догадавшийся об их сверхъестественных способностях, я спрятался под окном. Та смотрела будто сквозь него, будто не видела деревянной преграды – я чувствовал это своими пошатанными нервами.

Колдунья засмеялась, сказав: «Пусть живет сынок. А ну, чаво встали бабы, потяпали быстро за гиблыми душами!». Я аккуратно выглянул: баба влезла в свое корыто, окутанное снизу сухими движущимися ветками, местами треснутое снаружи, и улетела. За ней по очереди направились ее прислуги. Метлы тихо поднимались в воздухе, даже трава, и того омертвевшая, не шелохнулась... И деревья не покачнулись. Живность боялась тьмы, застывая от присутствия ведьм...

Не успел я толком отойти после их мрачного взлета, как в мгновение ночной жути появилась голова беса из окна! Тот висел вверх ногами и, противно взвизгнув, словно его ре-

жут на мясо, ухватился за выступ крыши. Дом трясся от его мощного хвата – это был не какой-то там бесеныш, а настоящий черт, имевший силу, не равную с человеческой! Он ловко, как каскадёр, спрыгнул вниз, ускакав громкими топотами в поле. Тень беса растворялась в темени луга, и поражала его сноровка в движении – поле преодолевалось большими прыжками, перепрыгивая заборы и дома!

Кровь остановилась в моих венах, артерии обездвижены... Фобия темноты усиливалась по нежеланию – чертовщина, которой я был ошеломлен, начинала оживать в ночи. Это время суток было куда опаснее и страшнее, нежели днем!

Слабыми шагами усиливалась боязнь невидимого пространства, когда я осмелился искать телефон – как бы не провалиться, не наткнуться на невидимое чудовище! Я частенько запутывался в паутине. То спотыкался, наступая в половую щель, будто в пасть монстра, то стучался головой об порог или дверь шкафа. К счастью, я нашел телефон, на чердаке у кровати, застывая перед этим в нерешительности у лестницы. Украдкой и с осторожностью я поднялся туда, найдя малое свое спасение.

Было 22:57 ночи уже следующего дня... С того вечера, как я упал с лестницы, прошли почти сутки с небольшим. Двадцать четыре и пару где-то часов я лежал обездвиженный и никем не тронутый путник! В этом точно есть какая-то загадка, ибо за такое время меня могли истребить...

Снаружи я познакомился с новой средой обитания. Лунный свет зловеще освещал местность. Были волки, собаки как-то неестественно лаяли. Деревья оставляли еще более пугающее впечатление, чем днем, и отбрасывали тени непонятных фигур. Жужжание комаров раздражало и нагнетало, ночные бабочки мелькали у глаз – те даже были больше размером в сравнении с обычными мотыльками. Лучше бы мне и глаза закрыть, да провалится под землю, а не выносить эти ночные муки! Я был сильно напуган, что впоследствии рванул прочь отсюда.

Стремление вперед, сквозь закрытый лесок, где был замурован комбайн. Шли мне навстречу живые тени от фонарных столбов, как стражи ворот, и от них я впадал в панику; шелесты в кустах пугали, напоминая звон крупных тюремных оков, и вызывая боль в голове. Маленькие домики мерещились мне, как камеры пыток – так и голова закружилась, дыхание с ходом ослабевало.

Но я шел, быстро шел, пытаясь преодолеть свои мучения.

Ночная атмосфера украшалась для меня в плохом смысле загадочными существами, летавшими в небе. Но то были призраки из сна прежнего, в мантиях и с могучими крыльями! Несколько раз они мелькнули над моей головой, когда я направлялся к полянке. И как же мне хотелось быстрее от них уйти, но ноги не слушались меня, двигая ослабевшими мышцами!

Еще страшнее было проходить через злополучное место,

где была борьба за жизнь против волка! Встречались оттенки былого – кончина зверя и бешеные глаза, осевшие в моей памяти... Бессветное пространство для минования пролеска – одна из болевых частей для затерянного человека!

У трехэтажного здания я готов был застрелиться, будь у меня пистолет! Что довелось увидеть, дало мне мысленный и сильный удар ножом в грудь. Как быстро это забудется – остаётся для меня сложным вопросом.

На последнем этаже дома, в квартире, что посередине здания, горел свет. У окна был человек, напуганный до смерти, и нет удела спрашивать себя, кто он – пленник или мое воображение. Он в панике бился руками об стекло, хотел выбраться, да что-то начало бить его об стекло, потом швырять из стороны в сторону! В ту же минуту полтергейст свернул шею несчастному и беспощадно, одним движением разломил тело пополам, бросив на пол...

Мне так не хотелось заходить в подъезд, зная, что там в темноте будет настолько тесно и мрачно. Но иного выбора у меня не было – эхо донесло до меня требования повиноваться... Как знать, что я буду испытывать...

С включенным фонарем от телефона, я окунулся в предсмертный ужас. Любое движение мобильного света придавало мне чувствительности пульса, видя обрывками посыпанную стену, то грязную перилу лестницы, и снова темно! Шла игра света и теней. Я поднимался выше, светя в сторону счетчиков, а гроба уже не было – все испарилось, как по щелчку!

Я дрожал от страха, предчувствуя, что ожидается процедура болезненных и страшных видений! Ком в горле не давал нормально глотать. Жажда прорезала внутри, жгла и мучила меня...

В квартире везде был свет, но это обман. В какой-то момент он начал мигать нервным тиком и в итоге потух, накрыв меня темнотой... Мне это уже не нравилось, но выйти я не мог! Дверь просто не хотела открываться, предательски оставив меня в прихожей. Да и какой даже смысл выходить в жуткий подъезд, если ночь пугающа в любом месте?

На кухне градом попадала посуда, вода полила из-под крапов, затряслась мебель в комнатах – начиналось призрачное бешенство! Перед глазами мелькнула тень, в связи с чем я дернулся от неожиданности и почему-то побежал в гостиную, думая, что там безопаснее!

Поочередно стали разбрасываться книги, стулья и столы в другой комнате! Болталась люстра, истекающая бесцветной жижей, в коридоре откуда ни возьмись появился бес... Крупный сатир, будь то разъяренный бык, рванул ко мне и почти добежал, и я был уверен в своей гибели, да тот исчез! Но прежде, чем исчезнуть, он замер и своей неистовой силой топнул копытцем, оставив за собой воронку метром на метр...

Я сжался в кресле, в позе трусливого невинного зверька, крича, как умалишенный! Барахтался и отбивался, словно неопытный боец!

Тем временем, обои постепенно срывались со стен; подул сильный ветер, как незванный ураган. В помещении поступали толчки, вызывая землетрясение по восьми бальной шкале – все здание как будто проваливалось под землю! Разбивались окна; в ванне усилился напор воды, лопнула раковина, шланг начал по-змеиному извиваться. Двери повсюду открывались и закрывались – цикл повторялся с острым поскрипыванием!

Хуже всего пришлось, когда в главную дверь что-то пыталось войти: стучало яростно и с усилием! Стуки переходили в удары! Немного позже, снизу двери послышалось царапанье. Царапанье, сравнимое с точением ножа, более громким, неустанно пытавшееся вломиться и расправиться со мной!

Я настроился на худшее, сев покорно на кресло, и вне сомнений ждал смерти... Тук-тук, тук, тук-тук, тук – сердце поймало ритмию, и до приступа с летальным исходом оставалось недолго...

Нет... Издевательство кончилось надо мной. Все в раз затихло. Свет полностью погас, и наступило гробовое молчание. Я еще долго сидел, прилипнув к креслу, отходя от этого безумия, где-то несколько минут, застывшей статуей.

Что меня изрядно удивило – это прижатый в ладони амулет, сперва который я не ощутил, пока выжидал смерти. Не вспомнился и миг, когда он оказался в руках.

Был он в виде позолоченного клыка с непонятно выгравированными, славянскими надписями, как показывал мой

фонарик. Выходит, я с ним просидел все это время здесь? Интересно, может и из-за этого меня не смогли убить? Это всего навсего предположения, да вот в них стоило бы поверить.

Надев амулет на шею, я почувствовал облегчение, некую защищенность, и для полной безопасности направился к входной двери. Верилось самому с трудом, но кулон придал сил, чтобы сдвинуть небольшую тумбу – от греха подальше я прикрыл вход.

Стало клонить в сон. Само собой меня не расслабляло от пережитого здесь, но сильная сонливость одолевала мной. Расположившись на диване, я уже ни о чем не хотел думать – сон превосходил страх... И я быстро уснул.

День четвертый

В снах своих я видел, как маленький мальчик игрался на площадке детского сада. Увидев меня, он закончил игры и подошел ко мне, сказав, что как только я проснусь, мне нужно пойти в больницу. Там, если я справлюсь, то смогу найти одну вещь, не похожую ни на что. После больницы меня ожидает детский сад, и что там конкретно – тот не излагал. В дальнейшем, следовать на поляну – найти это место можно на перепутье между коттеджами в направлении от детского сада. Попрощавшись со мной и пожелав успехов, слишком это выглядело подозрительно для его слов, он навзничь упал...

Меня разбудил сильный холод. Знобило, еще и весь пол в квартире покрылся клубами дыма, что дало неприятной бодрости. Пока я лежал, меня донимал поток звуков – из-под пола волочились руки, от которых я с испугу начал уворачиваться. Они стонали и просили о помощи, тянувшись вверх. В этом то вся проблема – мне нечем им помочь – мученикам судьбы...

Выходя из квартиры, сложно забыть, что за беспредел творился прошлой ночью. Дверь была в убогом состоянии – весь низ ободран, и это дело рук явно не человека. Сразу припоминается ночное царапание во время буйства в квартире: становилось не по себе.

На стенах подъезда были пятна крови, и, посмотрев на потолок, мало того, что было крови навалом, так ещё упал гнилой труп рядом со мной! Искушенный, видно, что одежда ободрана неясным мне орудием, и на некоторых частях тела были небольшие желтые пузыри. Периодически они лопались и пахли хуже тухлых яиц! Мне пришлось прикрыть рот платком и конечно же не смотреть больше на него, чтобы не окоченеть от этого вида...

Направляясь вниз, я старался не осматривать пугающие участки подъезда, и наконец-то вышел. Правда, я споткнулся и больно упал на землю, ужаснувшись не этому. Я испачкался не только в грязи, но и в человеческих останках: повреждённая челюсть, покрасневшие глаза, вздутая печень! Органы лежали на разных уголках моего тела, и не медля я очистил себя от них! Выброшенные мной куски постепенно впитывались в землю...

Детский смех маленькой девочки принудил меня вздрогнуть, верно, той самой малютки, стоящей недалеко от меня, на углу дома в сторону больницы. На это было больно смотреть: она, приплясывая своими «детскими» ногами, душила, потом начала резать, тыкать осколком железа все тело своей куклы! Вдоволь наигравшись, детина дьявола бросила ее и медленно ушла за угол. Опасность меня миновала – я вовремя успел присесть у скамейки, заросшей кустами, и наблюдать в страхе за ней.

Я нашел в себе малость духа и сил идти, шагая в сторо-

ну медпункта. Он находился к северо-западу от дома. Тем временем, в мрачном, сером небе, заставив меня пошатнуться, ударила молния черного цвета. Тучи сгущались, и далеко гремело, но дождь не пошел. Слабы были намеки на грозу.

Скоро, я понял, что спокойно мне не дойти до больницы. Почти у неё, из кустов выбежала курица с кошкой. Пернатая решила насмерть заклевать бедное создание и справилась с этим. Ужас был передо мной... С птицей произошло что-то неладное: она начала бегать вокруг трупа кошки, после, ее начало трясти, как при эпилепсии. Дыхание остановилось, но немного полежав, она постепенно пришла в себя!

Форма птицы изменилась – лапы становились длиннее и более костлявыми, тело вытягивалось, перья немного опали, крылья удлинились, а голова слегка увеличилась в размерах! Морда привнесла иной стиль: глаза цвета бездны, гребешок в виде вытянутых локонов, завитых в бок, клюв растянулся, образуя попарно клыки, будто у тарантула. Нечто издало звук, чем-то сравнимый с агрессивным беркутом, и устремилось ввысь! Я будто стал контужен при взрыве крика от много стервятника – уши разрывались от такого!

Больница обита поломанным забором. Во дворике остались измученные проклятьем завялые клумбы. На стенах медучреждения, со стороны некоторых окон, торчали провода. Водосточные трубы болтались. Из окон, промежутками, мелькал свет. С одного подоконника, на втором этаже торчал наполовину труп. Чертово это место...

Входная дверь постепенно открывалась сама... Я замер. Что же встретит меня оттуда? Изнутри выходил еле заметный смог. По поверхности двери стекала бледно-зеленая слизь... Я не очень-то и желал заходить, предчувствуя очередную беду, но ничего не мог поделать... Голос внутри вернулся и голос требовал...

Мрачно. Слева была справочная, за ее окошком устроились сплошные заросли. Напротив зал ожидания. Перед глазами беспорядок: книги, разбросанные справки, стулья стоят не по порядку и сломаны. Краска на стенах слезла, расписание врачей перечеркнуто и разрезано, возможно, ножом, а покрытие разбито. Далее шел коридор, каждые полтора метра были напротив друг друга кабинеты. Где-то открыты, где-то закрыты. Двери замечались и без ручек. В один получилось зайти.

В кабинете главврача не несло чистотой – грязные стулья, стол стоял неровно, на нем бардак, разбитое и пыльное окно... Портрет Вождя Революции косо висел на стене, весь потертый. Горшки с засохшими цветами валялись на полу, перекошенная лампочка свисала с потолка. Бабочки летали... И сколько уже мгновений прошло? Поразительно!

Я нашел папку. В ней список больных, удивительно, что количество одинаковое – 13 пожилых людей, 13 взрослых, 13 детей. У каждого были своего рода замечания: кто-то жаловался на головную боль, прочие – на бледность кожи, а остальные на слабость зрения, но потеря памяти – поче-

му-то именно у детей. Тринадцать... Пугает это совпадение, но вопрос. Почему висит старый портрет, ведь на дворе двадцать первый век?

Неожиданно я услышал диалог.

– Доктор! Что со мной? Какая-то брехня в правом предплечье болтается!

– Вам это кажется.

– Да не понимаете вы! Вы хоть гляньте! Что вы все в свою тетрадку пишете?! Окститесь, посмотрите! Какая-то лапа насекомого с мой палец болтается, внутри еще чешется все!»

– О, господи...

И здесь разговор прекратился, ровно как и вместе с окончанием беседы влетела в стол тележка – и я еле успел увернуться! Ржавая и косая, со следами гноя на белье... С нее капала плохо пахнувшая желтизна. Ох, этот запах – даже сердце прихватило и нос накрыло зудом! Обыскав стол, все, что мне удалось найти, так это вылезшую из ящика, размером с ладонь, мокрицу – провалилась она, черт ее, пропадом! Я вздохнул с облегчением, ибо насекомое уползло прочь из кабинета. Множество ее ножек било дробью по полу, оставляя следы эхо по коридору...

На этаже все практически было закрыто, кроме двух ещё дверей. В одной, сумрачном и убогом кабинете, мне довелось заметить подвешенный, как еще сердце у меня не вырвалось из груди, вверх ногами труп! В другой, кладовке, и вовсе выкатилась голова, когда я открыл дверь!

Наверху, я был всячески уверен, что неизвестная вещь из сна там, но предстояла сложность добраться туда. Препятствием для меня служило отвратительное скопление лиан в лестнице наверх. И как же это брезгливо было их обходить – на стенах, как бы я аккуратно не прислонялся к ним, была едкая черная масса, напоминающая нефть! С непосильным трудом и осторожностью я добрался наверх, прикрывая лицо.

В нужном месте было несколько палат. Вдали зал с кушеткой для младенцев. Правее кожаный протертый диван с перекошенной ножкой. И самое больное – в моих глазах скорбь, волосы дыбом на руках. Я увидел след полосы крови, думаю, трупа, вытащенного с окна, до того, как я вошел сюда. Стоило предполагать, что и мне недолго осталось...

Поиск вещицы не занял много времени, ибо пришлось испытать болезненные ощущения для безуспешного результата. Сперва меня чуть не сбила разбитая коляска из палаты – она неслась не в том положении и застряла в пороге! Последовательно попался расчлененный труп на полу соседней палаты – я не сомневался, что в скорые минуты лишусь рассудка! Не менее слабо покосило мое воображение и повергло в ужас – это пара ног, замурованных в стену напротив, подергивавшись подобно секундным стрелкам часов...

Но несмотря на всю дикость происходящего, перед глазами в зале встретилась изумительная настенная картина у дивана. Изображала она склон с высокой травой, обвитый бе-

резами, подаль большой пруд. Чуть выше него зеленая равнина, на ней уютный дом; повыше ярусом воздвигалась дальше от дома церковь. Большая и белокаменная, с синей крышей и золотым шпилем. Украшал пейзаж чудесный летний закат. Я мог бы и дальше любоваться красотой сей живописи, да вот за моей спиной кто-то шаркал...

Это была женщина, в черном одеянии и фате... Она слегка махала руками, словно для удержания равновесия, будто шла по канатному тросу. Дама сутулилась, и что больше занесло меня в окаменение – ее шаги, без движения и прикосновения к полу!

Она остановилась, позже сняв фату. Делала она это так изыскано, и сходило это больше на церемонию бракосочетания.

Я с трудом сделал вдох и вскрикнул на выдохе, что было силы! Меня парализовало, а в ответ, чертовщина яростно и дьявольски завопила, взяв меня за плечо и швырнув к палатам!

В ее лице не находилось ничего живого: нижняя челюсть отсутствовала, нос раздроблен, глаза выпучены и придавали бешенство. Мерзкая и гнилая кожа переплетена с волосами! По ним ползали тараканы и по челюсти тоже!

Я не мог пошевелить ногами, а она надвигалась ко мне. Эта потусторонняя сущность... Сердце ревело, как двигатель самолета, кровь закипала от нагрева паники, глаза дергались. Рот уже не мог открываться – как дверь заклинило...

Как, как она оказалась наверху? Как я мог упустить момент ее прыжка наверх? Она шла по потолку...

С большим сопротивлением, я начал ползти в обратную сторону, не меняя положения своего тела, дабы не упустить из виду эту чуму, порождение тьмы! Я полагался на силу своих рук, лишенный движения. Ее, как и след простыл – ума не приложить, куда она запропастилась, а тревога все еще не спадала!

Как вдруг, она предстала в своем дьявольском образе передо мной! С той же невероятной силой схватила уже за волосы головы и потащила вниз. Мои истощенные крики никто не услышит в больнице! Непередаваемая боль: чувство пленника, захваченного индейцем для выдирания скальпеля!

Когда это нечто тащило меня сквозь дебри грязных джунглей, в мои уши внедрились противные и с хриплым голосом слова:

– Ты здесь никто! Уходи прочь отсюда, тебе не место тут! Нас не волнует, где ты будешь обитать!

Тусклый свет после лиан вошёл в мои глаза, как с быстротой поступил сильный толчок в грудь, и я вылетел с мощнейшей силой из больницы, через главный вход. Он забаррикадировался осколками дерева и сгустком лиан в тот миг, когда я решил, что ведьма выйдет... Вход запрещен.

При этом я остался жив, правда, спине здорово досталось, но без порезов. Мелкие синяки остались на руках от трения лиан, задевая больно через куртку. Рюкзак в порядке, вещи

в нем сохранились. Колено слегка побаливало, но я мог дойти до яслей.

Детский сад я заметил краем глаза, когда проходил мимо мертвой кошки. Он был пристроен неподалеку от четвертого дома микрорайона: пуст и заброшен. Слуховые галлюцинации настигли меня возле детской площадки. А смысл от того, что я закрою уши? Это не поможет. Да и под влиянием собственных внутренних мучений я принуждён выслушивать это...

Смех счастливых детей, играющих во дворике у садика. Игра перешла в крики; крики перешли в кашляние и сухое удушье. Воспитатели кричали, стонали из-за беспомощности перед детьми... А сейчас я видел теперь поломанные игрушки, сдутый мяч, разрушенную беседку, грязную песочницу. Где-то даже кости видны несчастных малышей – все, что осталось от мирной и беззаботной жизни.

Все, что я слышал, и не мог выбросить из головы... И детей это коснулось – загадочная болезнь, проклятие, эпидемия – не имело смысла гадать. Малюток больше нет, как и в целом всего населения деревни.

Я обошел почти вокруг здания, стараясь не обращать внимания на эту угнетающую обстановку, чтобы найти вход. Ни в подвале, ни в замурованных окнах, а только с края здания, мне попалась каменная лестница с открытой дверью.

Плохая видимость. У предбанника на вытянутую руку ничего не видно, и при этом сердце мое только ускорялось

в ритме. Я благодарен фонарю – теперь же заметно, что левее был зал, являвшийся сценой для выступлений. У стен – стулья в ряд; увешаны плакаты на тему весны. В конце зала была гримерная, кладовка и ещё какая-то дверь. Я мог туда позже зайти, а пока, скованно посмотрел, что в другой стороне. Тишина любому гостю здесь не понравится... Особенно при тесной обстановке...

До зала, напротив была большая комната – очень слабо попадал свет, образуя неясные сумерки. Объемные книжные ряды – напоминало маленькую библиотеку. Крупный ковер с нарисованными дорожками, домиками – увы, он грязный, на чем сложно было заметить что-либо нарисованное. На нем следы детских ручек; местами они размазаны – думать долго не понадобилось, что стряслось с малышами...

Истрепанные плюшевые игрушки лежали по разные направления книжной галереи, сломанные машинки перевернуты и раздавлены, потрепанная кукла в миниатюрном платье, с грязными крупными глазами, томилась у окна. На ее шее необычный артефакт – вроде камень из шунгита, матовый и очень темный, на такого же цвета цепочке.

И все это время, пока я исследовал каждый уголок этой темной комнаты, нешуточно волновал скрип не то от двери, не то от шкафа. Никак не удалось понять, откуда он. Он периодически играл со мной, но был ли я в восторге от такой игры? Как бы я не напрягал слух, истоки сложно было обнаружить. Я был уверен: что-то следит за мной... Что же?

Интересная находка – я нашел листок в пыльной книге, которая в очередной раз неожиданно упала, выпустив на волю этот лист. «Мама обещала прийти за мной, как наступит вечер, но не пришла. Почему? Я себя хорошо вел, и Бабай меня ночью не отругает».

Какой смысленный малыш – интеллект точно опережал его возраст. Ему, примерно, пять лет, и в детском саду? Да как такое может быть? И грамотность приятна, и почерк понятный, читаемый – поразительно! Так, а что за Бабай, интересно? Ах, да. Тот самый вымышленный персонаж из детских кошмаров – приходит ночью и пугает малышей.

Всегда интересовало, как же все-таки он выглядит? Стоило об этом пожалеть, горько пожалеть, ведь я позабыл на какое-то время, где нахожусь. Случается, что человеку свойственно отвлечься от всего, вчитавшись в мягкие и забывчивые строки книги или письма. Задуматься и засмотреться на приятное, позабыв свое местонахождение. Такие уловки свойственны лишь аномальным местами – ввести в заблуждение...

В этой местности, туманной деревне, порой лучше не стоит задаваться такого рода вопросами – мысли материализуются вопреки реальности... Я сам себе наговорил, не ожидания того чудовищного часа. Как же это произошло? Собраться бы духом, чтобы я мог изложить этот ужас, что я испытал.

Сперва заиграла шкатулка, что тут подумать – да, обыч-

ная музыкальная шкатулка. Играла мелодию из детства, которая приятно наводила шорох ярких воспоминаний. Она постепенно затихала, сводя меня со зловещей тишиной. Только мое медленное и немного шумное дыхание сбивало момент молчания...

Тишь хладнокровно уничтожил звериный, даже сложно поверить, что звериный – больше поднебесный вой, от которого можно было распрощаться со своими ушами и здоровьем! Книжки попадали с полок, покосилась дверь, готовая рухнуть на пол! Рычание в мгновение стихло, но продолжало меня держать в оцепеневшем страхе... Я подходил к залу. Но не добровольцем, а рабом сознания. Эхо манило туда...

Оттуда я услышал что-то уму непостижимое. Если напярчь слух, то слышно смех, или молчание, то ли плачь. Некоторая пауза. Снова припадки смеха. Глубокое молчание. Неожиданно в одеянии сумерек вошли ещё агрессивные крики! И слова в беспорядке произношения вперемешку сочлились. Услышать это – слабо сказано... Страшно это увидеть в обличии монстра!

Ростом оно два метра, сгорбленное и лохматое. Безголовое, да голова ему и не нужна – у этого бесища несколько выросших лиц! На ногах, руках, спине – где только могли вместиться! Лица театральных масок – по очертанию, по белому цвету, каждая из которых вела себя по-своему – ревела, хохотала, истерила, рассуждала, ворчала и тому прочее! Боже, вообразите себе это громадное, многоликое, топающее, как

при битьё кувалды, порождение преисподней со здоровыми копытами вместо ног!

Наборы словесных нот не утихали, играя все громче и громче... Они наполняли меня отравленным эликсиром помешательства! Я сел на пол – ничего не мог с собой поделать. Дрожал, как трусливый заяц, только безногий, неспособный убежать.

Бабай ходил по залу, величаво любуясь в окно и позже изучал плакаты. Я побледнел, насколько это было возможным, когда оно повернулось ко мне, замерев. А глаза, стекленевшие темные глаза: все, абсолютно, все лица посмотрели на меня!

Резкая тишина затмила помещение... Гигант повернулся спиной, затем встал боком, чтобы дать лучше разглядеть своим инородным телам меня – очи живых мертвецов... И кто они – эти отростки, опухоли ожившего недоразумения?

– Чужой! Чужой! Чужак! Незванный гость! – кричали они разными интонациями. Взгляд у всех был осудительным, каким-то критичным, будто я в чем-то провинился!

Сознание вернулось ко мне. Выход один – бежать, бежать как можно скорее, и мое лучшее оружие – отступление, ибо смелости не хватит поднять руку на этого изверга! О какой обороне идёт? Шустрый бег да притаиться до полного исчезновения монстра!

Дверь, ведущая на улицу от предбанника, намертво закрыта – как же мне не везет! Страх высосал все мои силы:

ноги почти отказали, и, прихрамывая, я пытался спрятаться подальше от Бабая – в книжной библиотеке.

Оно искало меня: нечего охотнику спешить... Спокойствие и внимательность. Трагичность моего положения заключалось в том, что прикосновение твари к различным предметам означало гибель. Когда нечто брало в руки цветок или игрушку, то их ждала одна из частей – гниение или ожог – я это заметил при столкновении наших взглядов. В этот момент оно держало в здоровой лапе обгоревшую игрушку. Даже каждый шаг его выделял испарения на полу, оставляя следы ада...

Маски лиц служили ему проводником. Они подсказывали существу, как и куда надвигаться. Я пораскинул мыслями, что когда зверь зайдет в библиотеку, то постараюсь ловко, несмотря на слабость ног, насколько это возможно, бежать к кладовке рядом с гримерной, что в зале!

Зверь тихо зашел – я скрывался за одной из полок. Оно подходило все ближе и ближе ко мне, и я с перепугу засеменял ногами мимо него. Чего и следовало ожидать: оно успело на долю секунды схватить меня за левую кисть. Больно было до жути – будто тебе прислонили закаленную сталь, и она продолжает разъедать твою кожу, оставляя ожоги почти до мышц. И чем дольше, тем хуже!

С тяжелым увечьем я добрал до кладовки... Закрыто. Преследование продолжалось. В качестве моей обороны являлась медлительность убийцы.

Темнота наступала – чудесно, только этого не хватало! Голоса чудовища опять начали смеяться и негодовать. Я осветил гримерную – ловкий прыжок крысы с рослыми и скрюченными ногами заставил меня выронить телефон и чуть не вскрикнуть. Я был незаметен без фонаря, но крик мог бы выдать меня. Батарея садилась: поздно, телефон гас, и его не зарядить. Я наедине с тьмой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.